

## ЕКАТЕРИНА I — «ЦАРИЦА-ПОМОЩНИЦА»: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ЖЕНЩИН-ПРАВИТЕЛЬНИЦ НОВОГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ

Критическому анализу подвергается имеющаяся в историографии информация об основных вехах биографии Екатерины I и представления об особенностях ее отношений с Петром I. С опорой на наработки психологии предлагается объяснение возведению царем-реформатором низкородной женщины в ранг официальной супруги. Предпринимается попытка определить «типологическое» место Екатерины I в ряду российских государынь Нового времени. Предлагается и характеризуется понятие «царицы-помощницы», обозначающее тип монаршей супруги, первой представительницей которого была Екатерина I и который после эпохи дворцовых переворотов станет в Российской империи нормой.

**Ключевые слова:** Российская империя, женщина-правительница, Екатерина I, Петр I, историческая психология.

Фигура Екатерины I совершенно уникальна, ее судьбу невозможно сопоставить ни с одной другой женщиной в отечественной истории (да и в зарубежной объекты для адекватного сравнения подобрать сложно). По сути, она воплотила собой архетипический сказочный образ Золушки, будучи из полной безвестности возведена на высоты политического «олимпа» и став первой российской самодержицей. Историки редко посвящали Екатерине специальные исследования. Есть несколько биографических публикаций, которые, однако, носят скорее научно-популярный характер [см.: 1–3]. Нам известны основные вехи жизни Екатерины (наиболее полно, естественно — с момента ее появления в поле зрения Петра I), однако в силу изрядной мифологизации фигуры царя-реформатора, каковая не могла не влиять и на восприятие его избранницы, некоторые узловые проблемы биографии, а также особенности ее отношений с царственным супругом стоит подвергнуть проверке и корректировке. Основной же целью статьи является определение «типологического» места Екатерины I в ряду российских государынь Нового времени.

Хорошо известно более чем «демократическое» происхождение первой российской императрицы: различные версии по этому поводу неоднократно

излагались как современниками, так и историками [4–6]. При этом судьба данной проблемы вполне характерна для петроведения, наводненного большим количеством мифологизированной информации и характерного нередким игнорированием трактовок, не вписывающихся в петровский миф. В советской и современной отечественной историографии прочно закрепилось мнение о том, что Екатерина — это Марта Самуиловна Скавронская. Однако еще в 1902 г. Н. А. Белозерская вполне убедительно показала (впрочем, оговаривая неокончателность своих выводов), что более достоверной является версия, согласно которой будущая супруга царя Петра была дочерью шведского офицера Иоанна Рабе и от рождения носила имя Екатерина, а дети Самуила Скавронского являлись, скорее, двоюродными, а не родными ее братьями и сестрами [6] (ср. проблему, связанную с личной жизнью Анны Монс после разрыва с Петром, самую взвешенную картину которой нарисовал в свое время Н. Устрялов, чьи рассуждения в дальнейшем были проигнорированы [5, с. 147 и далее]).

Отношения Петра и Екатерины начались, по крайней мере, в 1704 г., примерно тогда, когда, по выкладкам Н. Устрялова, наступил разрыв царя с Анной Монс [5, с. 147–149], что подтверждается

тем фактом, что в начале 1705 г. у Екатерины уже был сын от царя — «Петрушка», а осенью того же года родился второй — Павел; оба мальчика умерли в младенчестве [7, с. 20–21]), так и на самом факте сильной привязанности государя к пленнице-портомое. Несколько лет Екатерина находилась на положении «официальной» любовницы Петра.

Что касается их бракосочетания, то с определением точной даты этого события имеется некоторая заводка. В «Истории Свейской войны» значит: «Марта 6-го числа (1711 г. — **О. М.**) всенародно объявлено всем о государыне царице Екатерине Алексеевне, что она есть истинная и законная государыня» [8, с. 366]. Согласно же «Походному журналу 1712 года», венчание состоялось 19 января 1712 г. в церкви Исаака Далматского в Санкт-Петербурге [9, с. 323].

Разъяснение этих расхождений находим в источниках. Английский посланник Ч. Уитворт, сообщая в своем донесении от 2 марта 1712 г. о свадьбе, отмечает, что Пётр накануне отъезда в Прутский поход объявил Екатерину своей женой **перед родственниками** (в соответствии с этим Е. В. Анисимов делает вывод, что в 1711 г. речь шла лишь об объявлении помолвки [3, с. 24]), поэтому, отправив своих денщиков, А. Кикина и П. Ягужинского, приглашать гостей на празднование бракосочетания, царь велел звать их «на старую свадьбу». Эта фраза смущала историков, заставляя усомниться в дате и даже в самом факте официальной церемонии. На следующий день, 20 января, в письме к Гавриле Меншикову сам Пётр пишет: «Известуем вам, что мы старую свою свадьбу вчера окончили» [9, с. 324].

Наиболее ясное свидетельство дает Ю. Юль, пребывавший в России во время Прутского похода. Он сообщает о своем разговоре с канцлером Г. И. Головкиным касательно того, какие почести следует воздавать Екатерине в связи с тем, что перед отъездом в поход государь объявил ее «своею (будущею) супругой». Гаврила Иванович заверил его в необходимости именовать царскую невесту «величеством», на что датчанин дал следующий комментарий: «Чтоб не быть неприятным двору, я принял (слова канцлера) к руководству и стал давать Екатерине Алексеевне этот титул, хотя на самом деле он не подобал бы и принцессе крови, **помолвленной с королем, пока она с ним не повенчана** (Выделено мною. — **О. М.**)» [10, с. 316].

Таким образом, в определении даты официального бракосочетания стоит следовать за сообщением в «Походном журнале», где праздник описывается как мероприятие публичное, так как при тосте за здоровье царя и царицы палили из 11 пушек возле дома, «пущали ракеты, и бросали бомбы и план был зажжен, на котором были выложены фитилями литеры латинския: «Виват», также и светочи были многие зажжены» [9, с. 323].

Однако главной проблемой в истории взаимоотношений Петра и Екатерины является сам факт заключения брака между монархом и бывшей пленницей низкородного происхождения. Так как в рамках научного исследования, понятно, не может всерьез приниматься бытовавшее в те времена объяснение, согласно которому Екатерина (при помощи своего бывшего «хозяина» и любовника Меншикова) «обвела» царя «кореньями», возникает закономерный вопрос — как можно объяснить столь эпатажный выбор супруги царем-реформатором? Ссылки на сильные чувства в данном случае, как представляется, недостаточно, ибо в нашем распо-

ряжении немало примеров того, как таковые приносились в жертву политическим интересам, и, соответственно, предмет монаршей страсти оставался на положении любовницы или вовсе устранялся из поля зрения государя. Взять, к примеру, хотя бы Людовика XIV, старшего современника Петра, который отказался от романтической привязанности к Марии Манчини, женившись на испанской инфанте Марии Терезии. Впоследствии у него было немало любовниц, но ни одну из них он не сделал королевой.

Да, Пётр имел (и сохраняет до сих пор) репутацию ниспровергателя устоев, пренебрегающего традициями и условностями, однако можно обнаружить доказательства того, что, в отличие от многих других случаев, он не только осознавал «неадекватность» происходящего, но и пытался, насколько это возможно, смягчить ситуацию. Так, показательно, что на собственной свадьбе Пётр выступал в качестве шутбенахта (контр-адмирала — этот чин он имел тогда в морской иерархии), а не монарха. По мнению Е. В. Анисимова, для «него это было естественно и удобно, как был удобен кафтан адмирала в отличие от мантии царя. Он стремился отделить свою личную жизнь от жизни самодержца, и в этой жизни частного человека он хотел полной свободы» [3, с. 26].

Это так, однако описанное исследователем стремление к комфорту и свободе, которые для Петра ассоциировались с жизнью частного лица, но не монарха, в свою очередь, является следствием более глубинных причин. Важнейшей чертой психосоциальной идентичности царя-реформатора являлось отторжение официальной стороны монаршего статуса, вызывавшего у него страх и тревогу на подсознательном уровне вследствие пережитого в детском возрасте стресса (Имеется в виду, прежде всего, стрелецкий бунт 1682 г., последовавший непосредственно за возведением на престол десятилетнего Петра, кровавые эксцессы которого он непосредственно наблюдал в святая святых русского государства — Кремле.) По сути, большую часть своей жизни Пётр находился в состоянии кризиса идентичности (в терминологии Э. Эриксона), сопровождавшегося затянувшейся ее спутанностью<sup>1</sup> [11, с. 177]. Собственно, кризис идентичности по большей части порождается неудовлетворенностью человека существующим в данном обществе набором социальных ролей, в результате чего и он начинает искать собственные, нестандартные пути социализации<sup>2</sup>.

Живучесть кризиса идентичности подпитывалась в течение жизни Петра страхом и неуверенностью в себе, связанными с нарушением принятых в русском обществе норм и традиций в ходе его преобразовательной деятельности. Однако царь-реформатор интуитивно нашел для себя действенный способ психологической компенсации этих проблем — дистанцирование от этих традиций (в том числе и властных, «статусных») в игровой форме. Имеются в виду безызвестная «игра в царя», в рамках которой Пётр именовал своим государем — «князем-кесарем» — Ф. Ю. Ромодановского, и пародийно-кошунственные мероприятия Всешутейшего собора, и в целом его склонность выдвигать вместо себя «подставные» публичные персоны при сохранении в свои руках реального полновластия.

В свете сказанного можно выдвинуть предположение, что Пётр не решился на «настоящую»

царскую свадьбу, так как чувствовал, что его выбор явился слишком радикальным разрывом с принятыми нормами и, так сказать, «обыграл» эту проблему. Да, прав Е. В. Анисимов, утверждающий, что царь решил жениться «не шутовски, а всерьез, преступив все мыслимые и немыслимые запреты и заветы царственных предков и их жен» [3, с. 26], однако это не противоречит выводу об игровом характере самой свадьбы. Речь идет об игре психологической, в значительной мере бессознательной (в понимании Э. Берна), в рамках которой «играющий» не просчитывает полностью смысл происходящего в рациональном ключе — Пётр как бы прятался за адмиральским мундиром от осуждения, надеясь смягчить взрывной эффект своего вопиющего поступка. Шведская исследовательница Э. Лефstrand прямо указывает, что Пётр именно из-за крайне негативного отношения к этому браку церковной верхушки и высшего дворянства провел церемонию по контр-адмиральскому чину, причем на ней не присутствовал ни один из высших иерархов церкви [12, с. 204].

Характерно, что, будучи влюблен в Екатерину не один год, царь решился официально скрепить их отношения после череды успехов на ниве государственного строительства и, что еще более важно, побед на поле битвы (напомню, совсем недавно отгремела Полтавская «виктория»), то есть выпестовав собственную самохаризму<sup>3</sup>, став увереннее в себе, решительнее в нетрадиционных поступках, не избавившись, однако, полностью, как показывают обстоятельства свадьбы, от сомнений.

Еще один поступок Петра в отношении супруги также требует специального объяснения: в мае 1724 г. Екатерина была коронована в качестве императрицы. Событие это неоднозначно: с одной стороны, это очевидное нарушение традиции, согласно которой царские супруги становились царицами по факту заключения брака; с другой — важно отметить, что Пётр провел церемонию не в любимом Санкт-Петербурге, столице империи, а в Москве. Таким образом он попытался до некоторой степени вписать произошедшее в традиционные рамки. Это свидетельствует, во-первых, о том, что Пётр, всю свою жизнь отторгавший старомосковскую идентичность, не мог совершенно игнорировать ее. Во-вторых, в ряду других фактов это указывает на определенные успехи царя-реформатора на пути выстраивания более целостной психосоциальной идентичности, когда он был готов и умел сочетать свои «авторские» нововведения с укоренившимися нормами. А в-третьих, в свете вышеописанных особенностей бракосочетания Петра и Екатерины, акт коронации последней вообще выглядит логичным и юридически обязательным — ведь формально до этого момента она оставалась супругой адмирала, а не царя.

Вполне закономерным, в свете психологических особенностей царя-реформатора, а также специфики его матримониальной ситуации выглядит его стремление формировать вокруг жены более «нормальную», упорядоченную церемониальную обстановку, в какой сам он чувствовал себя некомфортно. По мнению знатока придворной жизни голштинца Ф.-В. Берхгольца, двор Екатерины вполне сопоставим по блеску с германскими дворами, в отличие от «чрезвычайно простого» царского двора, по большей части состоящего из денщиков, большая часть которых у тому же «незнатного происхождения» [13, с. 138].

То есть, несмотря на известную склонность к эпатажным поступкам и авторитарным решениям, Пётр пытался все же в определенной мере встраивать свои действия в общественно принятые рамки, таким образом следуя путем оцивилизовывания, в терминологии Н. Элиаса. При этом он предпочитал, по возможности, переключать ответственность за соблюдение нормативных требований социума на чужие плечи<sup>4</sup>. В случае Екатерины это объясняется и тем, что, будучи в состоянии позволить себе не соответствовать внешним признакам монаршего статуса как вполне укорененный в нем потомственный самодержец, для супруги с ее темным происхождением Пётр, в качестве своего рода психологической компенсации (причем не столько для нее, сколько для себя самого) применял все возможные почести и властные атрибуты. (Л. Хьюз сходным образом объясняет негативное впечатление Наполеона от посещения домика Петра в Голландии. Французский император посчитал абсурдным поведение Петра, ютившегося в столь простом помещении, на что исследовательница замечает, что Наполеон вырос до императора из низов, в отличие от Петра, наследного правителя, который, выбрав уничижение и заставляя других ему подыгрывать, скорее демонстрировал свою абсолютную власть, нежели унижал ее [14, р. 637].)

Прояснить, в какой-то мере, корни крайне противоречивой ситуации, в которую поставил себя Пётр, женившись на Екатерине<sup>5</sup>, можно, обратившись к выкладкам К. Хорни, согласно которым у невротиков, каковым, по всей видимости, являлся Пётр, при выборе партнера решающим оказывается дух соперничества, так как его отношения с другими людьми, включая и противоположный пол, слишком нарушены, чтобы позволить сделать адекватный выбор [15, с. 158]. В таком случае мужчину сексуально влечет лишь к женщинам, стоящим ниже его по положению, что служит компенсацией его неуверенности в себе [15, с. 153]. Конечно, все жены русских царей до Петра также и близко не стояли по социальному статусу к царскому роду, однако не надо забывать, что в отношении членов своей семьи (племянниц и сына), царь-реформатор избрал европейскую версию брака, когда супругов подбирали из княжеских германских родов. Наверняка и сам государь мог бы подыскать себе невесту такого же ранга, но даже и не думал об этом всерьез.

То есть отношения Петра и Екатерины играли для царя компенсаторную роль, были средством борьбы с неуверенностью и способствовали его самоутверждению: возведение супруги «из грязи» на вершину почестей подпитывало самохаризму царя-демиурга. Показателен в этом плане барельеф, где Пётр изображен в качестве Пигмалиона, ваяющего Галатею-Россию с внешностью Екатерины [см. об этом: 16].

Анализ отношений Петра и Екатерины позволяет выявить те качества, каковых ждал государь от своей избранницы. По-видимому, он в значительной мере взыскал в ней качеств материнских, коих ему не хватало после смерти царицы Натальи, к которой он, фактически выросший без отца, был особо привязан. При этом не все материнские качества были приемлемы для властного государя — жена должна была проявлять заботу, будучи при этом вполне «светской дамой» (каковой, практически первой в отечественном властном поле, была Наталья Кирилловна), но не опекающей (имен-

но опеки со стороны матери избегал юный царь). Таким набором качеств не обладали ни пассивная по натуре Евдокия, первая супруга Петра, навязанная ему его матерью, ни легкомысленная Анна Монс, любовница молодого царя из Немецкой слободы. Зато эти качества удачно комбинировала Екатерина. Она предстает дамой нетребовательной, бойкой, веселой, заботливой, к тому же выносливой, что было особо важно при том беспокойном образе жизни, каковой вел ее царственный супруг. Екатерина по любому поводу передавала возлюбленному небольшие подарки и иные знаки внимания, сопровождала его в походах и странствиях. Она, как и Анна Монс (и сам Пётр), любила праздники и танцы, и в то же время умела успокаивать Петра, способом, по сути, материнским, во время его нервных приступов [см.: 17, с. 340].

При этом важно, что Екатерина не стремилась стать политической фигурой. Как замечает Е. В. Анисимов: «Несомненно, что предназначение свое Екатерина понимала как служение царю» [3, с. 28].

Таким образом, Екатерина впервые в российской властной традиции в полной мере воплотила собой образ царицы-помощницы (именно так ее характеризует Е. В. Анисимов: «Одетая по новой моде, веселая и верткая партнерша в танцах, верная спутница в тяжелых походах, помощница в непрестанных трудах» [3, с. 19]), ранее уже отчасти апробированный Натальей Кирилловной, которая прославилась своими «акциями» публичной репрезентации, ранее не свойственной русским царицам, являвшимся, по сути, царственными домохозяйками, а также склонностью к культурным новациям, приветствуемым Алексеем Михайловичем. В дальнейшем, по прошествии «нетипичного» периода женского правления, когда кризисное состояние политической системы империи сделает возможным существование императриц-самодержиц, именно образ царицы-помощницы станет базовым для супруг российских монархов. И произойдет это, как представляется, именно из-за его «среднего» характера, сочетавшего по-прежнему обязательства матери и домоправительницы с положением политической фигуры, но, конечно, не самостоятельной, но репрезентативной и «поддерживающей» при супруге-государе. Неслучайно Екатерина оказалась неспособной к активной самостоятельной деятельности в качестве самодержицы после смерти Петра, которому «служила», которого поддерживала, которому помогла.

Таким образом, царь-реформатор и в данном случае (как во многих других) сумел в ходе личного творческого поиска выработать норму, в дальнейшем принятую в качестве наиболее приемлемой его наследниками. При этом следует принимать в расчет, что Пётр, чьей натуре принято приписывать непредсказуемость, неупорядоченность и волюнтаризм, на самом деле чутко улавливал требования времени (ведь уже его «тишайшего» отца устраивала именно активная «помощница» Наталья Кирилловна). К тому же для Европы такой тип монаршей супруги в Новое время в целом был вполне типичным. Так что Пётр в свойственной ему манере творчески комбинировал предоставленные ему эпохой социокультурные наработки, притом, однако, что зачастую делал это полубессознательно.

Подведем итоги. Своей головокружительной «карьерой» бывшая «портомоя» Екатерина обязана (помимо, естественно, особого стечения обстоя-

тельств) как особенностям личности царя-реформатора, так и собственным качествам. В первом случае речь идет о невротических чертах психики Петра, заставлявших его, в качестве самоутверждения, выбирать себе партнерш невысокого социального статуса и при этом (опять-таки с учетом не просчитываемых научно сильных чувств) подтолкнувших его к возвышению своей избранницы до официального монаршего статуса, что ставило его в положение Пигмалиона, ваяющего Галатею (символ его деятельности по преобразованию России). Во втором же следует говорить об удачной, в глазах Петра, комбинации качеств характера Екатерины, включавшей материнскую заботу без материнской опеки, светскость и надежность. По совокупности всех обстоятельств и черт личности бывшая полонянка воплотила собою наиболее востребованный на тот момент правящей элитой образ царицы-помощницы, к которому монаршая семья вернется после сильнейшей встряски эпохи дворцовых переворотов, как к наиболее удачному.

Такой взгляд на первую российскую императрицу позволяет выстроить более корректный ее образ, так как дает нам понимание того, к чему она была приспособлена вполне, и чего от нее требовать, напротив, не стоит.

#### Примечания

<sup>1</sup> Состояние спутанности идентичности, по словам Э. Эриксона, проявляется в неготовности к, в том числе, окончательному профессиональному выбору и завершению психосоциального самоопределения, и обычно свойственно молодым людям в подростковый период, когда молодой человек испытывает сложную гамму переживаний, связанных с возникновением потребности в физической близости (не обязательно только сексуальной), **окончательным профессиональным выбором** (Здесь и далее выделено мной. — О. М.), соперничеством и **психосоциальным самоопределением**.

<sup>2</sup> Э. Эриксон специально оговаривает, что в особенности это свойственно именно великим личностям, которые создают собственные варианты идентичности.

<sup>3</sup> То есть, по аналогии с харизмой, веру в собственную избранность. По сути, утверждение харизматического образа великой личности в глазах окружающих невозможно без наличия такой веры у нее самой.

<sup>4</sup> Ср. его склонность к передаче представительских функций А. Д. Меншикову, который всегда имел пышные дворцы (сначала в Москве на Яузе, затем в Петербурге на Васильевском острове), где и совершались многие официальные церемонии (в том числе прием послов) и придворные празднества.

<sup>5</sup> Противоречие состояло не столько в самом факте привязанности монарха к простой женщине, но в его неодолимом стремлении придать этим отношениям официальный характер при осознании ненормальности такого союза.

#### Библиографический список

1. Семевский М. И. Тайный сыск Петра I // Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. Смоленск, 2003. С. 425–614.
2. Павленко Н. И. Екатерина I. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. 265 с. ISBN 978-5-235-03299-6.
3. Анисимов Е. В. Женщины на российском престоле. СПб.: Норинт, 2003. 414 с. ISBN 5-7711-0106-0.
4. Вильбуа Ф. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 139–155.
5. Устрялов Н. История царствования Петра Великого: в 8 т. Т. 4. Ч. 1: Битва под Нарвою и начало побед. СПб.: Типо-

графия II Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1963. 640 с.

6. Белозерская Н. А. Происхождение Екатерины Первой // Исторический вестник. 1902. № 1. С. 56–90. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Ekaterina\\_I/abstammung.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Ekaterina_I/abstammung.htm) (дата обращения: 15.05.2019).

7. Анисимов Е. В. Пётр Великий // Царь Пётр и король Карл: два правителя и их народы / пер. со швед. В. Возгрина. М.: Текст, 1999. С. 9–33. ISBN 5-7516-0160-2.

8. Гистория Свейской войны (Подножная записка Петра Великого): в 2 вып. / сост. Т. С. Майкова; под общ. ред. А. А. Преображенского. М.: Круг, 2004. Вып. 1. 632 с.

9. Бычков А. О свадьбе императора Петра Великого с Екатериной Алексеевной // Древняя и новая Россия. 1977. Т. 1, № 3. С. 323–324.

10. Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9–396.

11. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. 352 с. ISBN 5-89349-860-7; 5-89502-952-3; 5-01-004772-1.

12. Лефстранд Э. Пётр Великий и русские женщины // Царь Пётр и король Карл: два правителя и их народы / пер. со швед. В. Возгрина. М.: Текст, 1999. С. 176–207. ISBN 5-7516-0160-2.

13. Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725. Ч. 1–2 // Неистовый реформатор / И. Фоккеродт, Ф. В. Берхгольц. М., 2000. С. 105–502.

14. Hughes L. Nothing is Too Small for a Great Man: Peter the Great's Little Houses and the Creation of Some Petrine Myths //

The Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81, no. 4. P. 636–637.

15. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / пер. с англ. В. В. Старовойтова. М.: Прогресс, 1993. 478 с. ISBN 5-01-003803-Х.

16. Матвеев В. Ю. К истории возникновения и развития сюжета «Петр I, высекающий статую России» // Культура и искусство России XVIII века. Л., 1981. С. 26–43.

17. Бассевич Г.-Ф. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы / Ф. Берхгольц, Г. Бассевич. М., 2000. С. 325–436. ISBN 5-94177-002-2.

**МУХИН Олег Николаевич**, доктор исторических наук, доцент (Россия), заведующий кафедрой всеобщей истории.

SPIN-код: 8560-4440

AuthorID (РИНЦ): 698742

Адрес для переписки: himan1@rambler.ru

#### Для цитирования

Мухин О. Н. Екатерина I — «царица-помощница»: к проблеме типологии женщин-правительниц Нового времени в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 3. С. 9–14. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-9-14.

Статья поступила в редакцию 14.04.2020 г.

© О. Н. Мухин

UDC [947+957]«18»

DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-9-14

**O. N. MUKHIN**

**Tomsk State  
Pedagogical University,  
Tomsk, Russia**

## CATHERINE I: «TSARINA-ASSISTANT»: TO TYPOLOGY OF WOMEN-RULERS OF THE NEW AGE IN RUSSIA

Information in the historiography about the main milestones of the biography of Catherine I and ideas about the peculiarities of her relationship with Peter I are subjected to critical analysis. Based on the achievements of psychology, an explanation is offered for raising a low-born woman to the rank of official spouse by the king-reformer. An attempt is being made to determine the «typological» place of Catherine I among the Russian sovereigns of the New Age, for which the concept of «Tsarina -Assistant» is proposed and characterized, denoting the type of monarch's wife, which first representative was Catherine and which, after the era of palace coups, will become the norm in the Russian Empire.

**Keywords:** Russian Empire, woman ruler, Catherine I, Peter I, historical psychology.

#### References

1. Semevskiy M. I. Taynyy syusk Petra I [Secret investigation of Peter I] // Tsaritsa Katerina Alekseyevna, Anna i Villim Mons [Tsarina Katerina Alekseevna, Anna and Willim Mons]. Smolensk, 2003. P. 425–614. (In Russ.).

2. Pavlenko N. I. Ekaterina I [Catherine I]. 2nd ed. Moscow, 2009. 265 p. ISBN 978-5-235-03299-6. (In Russ.).

3. Anisimov E. V. Zhenshchiny na rossiyskom prestole [Women on the Russian throne]. St. Petersburg, 2003. 414 p. ISBN 5-7711-0106-0. (In Russ.).

4. Villebois F. Rasskazy o rossiyskom dvore [Stories about the Russian court] // Voprosy istorii. Voprosy Istorii. 1992. No. 1. P. 139–155. (In Russ.).

5. Ustryalov N. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikago: v 8 t. T. 4. Ch. 1: Bitva pod Narvoyu i nachalo pobed [History of the

reign of Peter the Great: in 8 vols. Vol. 4. Part 1: The Battle of Narva and the beginning of victories]. St. Petersburg, 1963. 640 p. (In Russ.).

6. Belozerzkaya N. A. Proiskhozhdeniye Ekateriny Pervoy [Origin of Catherine the First] // *Istoricheskiy vestnik. Istoricheskiy Vestnik*. 1902. No. 1. P. 56–90. URL: [http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Ekaterina\\_1/abstammung.htm](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Ekaterina_1/abstammung.htm) (accessed: 15.05.2019). (In Russ.).

7. Anisimov E. V. Petr Velikiy [Peter the Great] // *Tsar' Petr i korol' Karl: dva pravatelya i ikh narody* [Tsar Peter and King Charles: two rulers and their peoples] / trans. from Sweden V. Vozgrin. Moscow, 1999. P. 9–33. ISBN 5-7516-0160-2. (In Russ.).

8. Gistoriya Sveyskoy voyny (Podennaya zapiska Petra Velikogo): v 2 vyp. [Histories of the Svej War (Day note of Peter the Great): in 2 issues] / Comp. T. S. Maykova; Ed. A. A. Preobrazhenskiy. Moscow, 2004. Issue 1. 632 p. (In Russ.).

9. Bychkov A. O svad'be imperatora Petra Velikogo s Ekaterinoy Alekseyevnoy [About the wedding of Emperor Peter the Great with Ekaterina Alekseevna] // *Drevnyaya i novaya Rossiya. Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 1977. Vol. 1, no. 3. P. 323–324. (In Russ.).

10. Yul Yu. Zapiski datskogo poslannika v Rossii pri Petre Velikom [Notes of the Danish envoy to Russia under Peter the Great] // *Lavry Poltavay* [Laurels of Poltava]. Moscow, 2001. P. 9–396. (In Russ.).

11. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis] / Trans. from Engl.; Ed. A. V. Tolstykh. 2nd ed. Moscow, 2006. 352 p. ISBN 5-89349-860-7; 5-89502-952-3; 5-01-004772-1. (In Russ.).

12. Lefstrand E. Petr Velikiy i russkiye zhenshchiny [Peter the Great and Russian women] // *Tsar' Petr i korol' Karl: dva pravatelya i ikh narody* [Tsar Peter and King Charles: two rulers and their peoples] / trans. from Sweden V. Vozgrin. Moscow, 1999. P. 176–207. ISBN 5-7516-0160-2. (In Russ.).

13. Bergholtz F. W. Dnevnik kamer-yunkera F. V. Berkhgol'tsa. 1721–1725. Ch. 1–2 [Diary of the camera-cadet F. W. Bergholtz. 1721–1725. Part 1–2] // *Neistovyy reformator* [A frantic reformer] / J. Vockerodt, F. W. Bergholtz. Moscow, 2000. P. 105–502. (In Russ.).

14. Hughes L. «Nothing is Too Small for a Great Man»: Peter the Great's Little Houses and the Creation of Some Petrine Myths // *The Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81, no. 4. P. 636–637. (In Engl.).

15. Horney K. Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz [Neurotic personality of our time. Introspection] / trans. from Engl. V. V. Starovoytov. Moscow, 1993. 478 p. ISBN 5-01-003803-X. (In Russ.).

16. Matveyev V. Yu. K istorii voznikoveniya i razvitiya syuzheta «Petr I, vysekayushchiy statuyu Rossii» [On the history of the emergence and development of the plot «Peter I, carving the statue of Russia»] // *Kul'tura i iskusstvo Rossii XVIII veka* [Culture and art of Russia of the XVIII century]. Leningrad, 1981. P. 26–43. (In Russ.).

17. Bassevich G.-F. Zapiski, sluzhashchiye k poyasneniyu nekotorykh sobytiy iz vremeni tsarstvovaniya Petra Velikogo [Notes serving to explain some events from the time of the reign of Peter the Great] // *Yunost' derzhavy* [Youth of the State] / F. Bergholtz, G. Bassevich. Moscow, 2000. P. 325–436. ISBN 5-94177-002-2. (In Russ.).

**MUKHIN Oleg Nikolayevich**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of World History Department.

SPIN-code: 8560-4440

AuthorID (RSCI): 698742

Address for correspondence: himan1@rambler.ru

#### For citations

Mukhin O. N. Catherine I: «Tsarina-Assistant»: to typology of women-rulers of the New Age in Russia // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 3. P. 9–14. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-3-9-14.

Received April 14, 2020.

© O. N. Mukhin